

Серия
«Антология мысли»

Мнимая ПОЭЗИЯ

Составитель — Ю. Н. Тынянов

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)
Т93

Составитель:

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943) — писатель, переводчик и литературовед.

Тынянов, Ю. Н.

Т93 Мнимая поэзия / сост. Ю. Н. Тынянов. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 333 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-05979-3

В основу книги «Мнимая поэзия» легла поэзия XVIII—XIX вв., в которой пародируется все — от стиля, методов, приемов, языка разных авторов до собственно литературных стилей — оды, басни, баллады, романса и т. д. Пародии написаны известными поэтами того времени и признанными пародистами. Сборник был составлен выдающимся литературоведом Ю. Н. Тыняновым и содержит его предисловие и комментарии.

Настоящая книга печатается по изданию Academia 1931 г.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)

Оглавление

Введение.....	7
---------------	---

ФОЛЬКЛОР

Былины	13
Исторические песни.....	16
Свадебные песни	18

ЖАНР И СТИЛЬ

Ода	25
Элегия	34
Дидактическая поэма	43
Дружеское послание.....	44
Песня и романс	46
Любовная лирика	58
Баллада	67
Басня	75
Антологические. Мадригалы. Альбомные стихотворения	76
Эпиграмма	79
Чертополох	80
Эклектики, дилетанты и подражатели	86
Русский Гейне	90
Экзотика	94
Гимны и духовная поэзия.....	96
Орфографическая пародия.....	98

ПОЭТЫ

В. К. Третьяковский.....	101
М. В. Ломоносов.....	110
А. П. Сумароков	115
И. П. Елагин	118
В. П. Петров	120
Д. И. Хвостов.....	123
П. И. Шаликов.....	134
И. И. Дмитриев	135
Н. Ф. Кошанский.....	138
А. Е. Измайлов	140

П. А. Катенин	142
П. А. Вяземский	143
В. А. Жуковский	148
А. С. Пушкин	157
А. А. Дельвиг	162
А. Ф. Вельтман	170
Е. А. Баратынский	171
Н. М. Языков	175
Ф. И. Тютчев	182
А. С. Хомяков	185
Д. В. Веневитинов	187
С. П. Шевырев	189
А. И. Подолинский	191
В. Г. Бенедиктов	193
Н. В. Кукольник	201
К. К. Павлова	202
Е. А. Ростопчина	204
М. П. Розенгейм	206
А. Н. Майков	212
Н. Ф. Щербина	219
Я. П. Полонский	222
А. А. Фет	226
А. Н. Плещеев	237
Н. А. Некрасов	240
Л. А. Мей	247
А. А. Григорьев	250
К. К. Случевский	251

«ПОСЛЕДЫШИ»

В. П. Бурнашев	259
Н. В. Берг	261
В. В. Крестовский	262
П. А. Кусков	265
Н. Н. Страхов	268

ПАРОДИЧЕСКИЕ ПАМФЛЕТ, ФЕЛЬЕТОН И САТИРА

М. В. Ломоносов	271
-----------------------	-----

КОММЕНТАРИИ. ПРИМЕЧАНИЯ

Псевдонимы и анонимы пародистов, встречающиеся в книге ...	324
Пародические имена	326
Условные сокращения	328
Список иллюстраций	329
Новые издания по дисциплине	330

Введение

Важность пародии в литературе, в частности в поэзии, вряд ли может быть отрицаема. Пародия — лучший пример произведения направленного и влиятельного. Направленность эта может быть разного характера. Она может быть направленностью на стиль, произведение, жанр, автора; она может быть направленностью *против*.

Направленность первого типа характеризует учебную функцию пародии. Например, таковы пародии Некрасова. Начав с метода подражания (первый сборник стихов), он проходит школу поэтической пародии. Таким образом он уясняет себе поэтические методы других поэтов.

Пародия может быть направлена на отдельные стороны стиля, на отдельные особенности, и вместе с тем, так как нет нейтральных качеств в литературном произведении как системе, это стилистическое пародирование легко переходит в пародию целого и часто является ею. Так же близки обе функции пародии. Если между средствами пародии и элементами пародируемого существует связь по противоположности, — перед нами направленность *против*. При этом пародия вскрывает самые основы поэтической речи, она обращает поэтическое речеведение в речевое поведение поэта; подчеркивая его позицию, обращает ее в позу.

Здесь — эволюционная роль пародии. Она может обнажить стареющую или социально неценную направленность того или иного жанра, стиля, поэта. Пародия обычно пользуется как материалом для снижения речью и темами бытового характера. Так незаметно пародия переходит в сатиру или памфлет.

Не следует думать, что пародия — жанр исключительно комический. Именно пародия крупнейших русских пародистов, Н. Полевого и И. Панаева, относится к разряду некомических. Одна пародия Полевого (на Дельвига) была одновременно перепечатана в альманахе как серьезная «Песня»; сам Панаев указывает, что одна из его пародий была положена на музыку и распевалась как романс.

Дело в том, что нет непреходящих качественных категорий в поэзии — самая виртуозность стиха может быть в известные эпохи ненужной или реакционной. (Ср., например, пародии К. Павловой и К. Аксакова, направленные против этой виртуозности.)

То же и с «гладкостью» стиха. Она в период, скажем, Карамзина, является прогрессивным фактором, в 30-е годы пародируется Полевым, пародический сборник которого носит эпитафю:

Они, как пол лощеный, гладки,
На мысли не споткнешься в них.

Пародированию подвергается и эклектизм, в некоторые периоды литературной эволюции — явление, реакционное. Таковы пародии Вельтмана на эклектиков 30-х гг., воскрешающие «державинский стиль» и комбинирующие державинские строки.

Само собою, пародии, направленные против виртуозности, должны и сами быть виртуозны; против гладкости — и сами должны быть гладки; и, наконец, в эклектических пародиях мы встретим высококачественные стихи Державина.

Эти явления, с одной стороны, близость пародии к подражанию (о чем имеются любопытнейшие соображения критика и теоретика 20-х гг. О. Сомова), с другой, частичная формальная близость пародии и пародируемого, при функциональной их разнице и даже противоположности функций, — должны быть особо приняты во внимание.

Громадное значение «Писем темных людей» было именно в том, что они сначала обманули тех, на которых были направлены, и только под конец выяснилась их пародийная направленность. Таким образом, наибольшая сила пародии — в наибольшей формальной близости и одновременно — в функциональной противоположности с пародируемым.

Это и послужило причиной того, что сборник назван «Мнимая поэзия». Название это заимствовано из одного старинного сборника, где так назван отдел апофега, стихотворных сентенций, изъятых из известных произведений. По всей вероятности здесь имелась в виду несхожесть этих цитаций с целым, их обманчивость.

Циклизация пародий вызывает к жизни пародическое лицо, пародическую личность. Вершина этого явления — Козьма Прутков. Здесь совершилось превращение пародического псевдонима в лицо. Зачатки явления пародической личности видим в таких явлениях, как граф Хвостов, князь Шаликов. Хвостов создал особую систему пародического языка (превыспреннего) и под конец был более литературным героем, нежели живым лицом. То же случилось и с Шаликовым.

Влиятельность пародии сказывается на примере Третьяковского, имя которого стало стержнем для ходячих, «фольклорных», шуточных стихов, которые до сих пор многими принимаются за принадлежащие Третьяковскому вещи и несут в данном случае функцию пародии. Можно сказать, что в «читательском», вернее, «литературном» сознании (трудно говорить теперь о читателе Третьяковского) подлинный или когда-либо существовавший Третьяковский совершенно подменен ходячими пародиями. Причина такой бытовой влиятельности пародии: пародия является осмыслением какой-либо поэтической или литературной системы, не только изменением ее значения, но и освоением (обычно освоением одних элементов за счет других), и в этом отношении представляет собою столь же читательское, сколь и писательское явление. Пример такой читательской элементарной пародии: чтение стихов — подменю интонаций, интонационная пародия. Сюда же —

чтение стихотворений снизу вверх, чтение стихов с заданным рефреном и т. д.

С другой стороны, пародия может и не быть направлена ни на какое произведение, может и не быть направлена *против*. Пародия может применяться как средство, как форма. Такова ее служебная функция в политической, общественной и литературной сатире. Пародия не имеет здесь пародийной функции, функцию ее можно назвать пародической. Пародия служит здесь средством легчайшего введения злободневного материала в литературу и предоставляет в распоряжение фельетониста выверенный сюжетный костяк и стилистическую точку отправления, трамплин. В этом отношении к пародическим формам близок в фельетоне по функции обычай фельетонистов отправляться от какой-либо цитаты.

Само собою, явления *пародичности* и *пародийности* не всегда даны в чистом и обособленном виде. Оба явления близки между собою и обычно сосуществуют.

* * *

Сбор пародийного материала произведен для настоящей книги на материале лирической поэзии XVIII—XIX вв. В приложении представлены некоторые примеры пародического использования формы в жанрах литературной и общественной сатиры. Выбор материала ни в какой мере не претендует на полноту и в указанных хронологических пределах. Взято наиболее типическое за исключением широко распространенного. (Так, мало использован первостепенный материал Козьмы Пруткова.)

Для настоящего издания обследованы журналы и альманахи XVIII и XIX вв., рукописные материалы из собраний Пушкинского Дома, Государственной Публичной Библиотеки и пр.

Из иллюстраций по материалам Пушкинского Дома впервые воспроизведены: карикатура гр. Фредро на Тютчева, карикатурный автопортрет Н. Степанова, в полном виде карикатура Степанова на Кукольника (была опубликована в «Невском Альманахе» 1917 г. в неполном виде) и др. Лубочная картинка «Стихотворец и чорт», направленная против Д. И. Хвостова, воспроизводится по экземпляру Московского Исторического Музея.

Непосредственное участие в составлении книги принимал С. А. Рейсер; им же составлены комментарии. Первая глава (фольклор) и примечания к ней составлены В. П. Адриановой-Перетц. Указаниями, советами или помощью были полезны: О. П. Блех, П. Н. Берков, Б. В. Казанский, Е. Н. Калайдович (†), Е. Н. Купреянова, М. М. Левшин, И. Ф. Масанов, Ю. Г. Оксман, К. И. Чуковский, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум. Был принят во внимание библиографический указатель Б. Бегака, Н. Кравцова и А. Морозова.

Ю. ТЫНЯНОВ.
Ленинград.
Январь 1930.

ФОЛЬКЛОР

Былины

АГАФОНУШКА

Ай на Дону, Дону вызбе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подполная,
А и широко раздолье перед печью шесток,
Чистое поле по пользавечью,
Аи синее море в лохани вода,
А у белова города у жорнова,
А была стрелба веретенная,
Аи пушки мушкеты горшечныя,
Знамена поставлены помелныя,
Востры сабли кокошники,
Аи тяшкия палицы шемшуры,
Аи те шемшуры были тюменских баб,
Аи билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге о яшном мушнике,
Аи билися, дралися день до вечера,
Убили оне курицу пропашшую,
Аи на ту та на драку великой бой
Выбежал сильной могучь богатырь молодой,
Агафонушка, Никитин сын,
Аи шуба та на нем была свиных хвостов,
Болестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды то пуговики сливныя,
Коросты-то петелки.
На ту же на драку великий бой
Выбегали тут три могучие богатыри,
А у первова могучева богатыря
Блинами голова испроломана,
А другова могучева богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьева могучева богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит с репою со печенкою,

А и среди синя моря Хвалынскова
Выростал ли тут крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековостом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила, и детей она свела,
Свинких поросяточок, поросяточок, полосатинких,
По дубу оне все разбегалися,
А в воду оне глядят, притонуги хотят,
В поле глядят, убежати хотят.
Аи но чистому полю карабли бегут,
Аи серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает,
Хоть вправо держи, хоть влево,
Затем куда хош.
Оне на небо глядят, улетети хотят,
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
А и чорт ли видал, что медведь летал,
Бурю корову в кохтях носил.
В ступе де курица объегнилася,
Под шесьсм та карова екцо снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

Рис. 1. Скоморох
Новгородская рукопись XIV в.

* * *

Не спеть ли вам, братцы, про старинушку.
Про старинушку стародавнюю,
Небывалую, неслыхалую.
Я спою про нее по-старинному:
На старинный лад, на давнишний склад,
Как певал удалец — вор Алешенька,
В стольном городе во Киеве,
За столом сидючи у Владимира,
У того ли у Красного Солнышка.
А вы слушайте — поучайтесь,
Поучайте тому и своих детушек,
Детей глупых, неразумных...
Как в старинушку стародавнюю
По синю морю пашню пахали,
Как в старинушку стародавнюю
По чисту полю лодки плавали,
Как в старинушку стародавнюю
На дубу свинья свила гнездышко,
Свинья вывела пару птенчиков,
Пару синеньких, вострорыленьких,
Пару глупеньких, неразумненьких,
Они вверх глядят, улететь хотят,
А как вниз глядят, упасть хотят.

(2)

Исторические песни

* * *

Как у нас в прошлом году,
При царю Иван Васильевичу,
Как выскочил Донской казачек,
Вон изволил себе свататься,
Вон и высватал себе червоницу,
Молодую полковницу.
Понемножко приданного берет,
Семсот Донских казаков,
А три тысячи завдалых молодцов.
«Ах, брат ты мой, братец мой.
Не по моему ты борешься,
Не по моему хвастаешься,
А дай ка ся я возьмусь,
А — дай-ка ся я поборюсь».
Вон хватил поперег живота,
Вон ударил бы мать землю,
Сыре земляшка воздохнулася,
На нем шкурочка разлопнулася.

(3)

* * *

Что во марте во месяце, во восьмой было тысяче —
Горе горькая кукушница бьет челом сизым орлам
На богатую породу, на Карпову дочь ворону:
Будто богатая порода, Карпова дочь ворона
Гнездо разорила, детей прибила,
Ноги связала, под гнездо сметала,
Пять рублей денег украла.
По полям летает, сулоны обивает, крестьян зорит.
Крестьяне разорились,
По чужой стороне набродились,
Милостыни напросились.
Сыч прилетав, сын подьячий:
«Ступайте, отыщите ворону».
Летали, летали, нашли ее в поле на огороде:
«Ворона, тебя требует белая куропать».

Ворона прилетает близко, кланяется низко,
Говорит умильно: «Ваше благородье,
Филиповье отродье.
Верхний и нижний суд, белая куропать,
На что меня требуете?»
«Ты, говорят, по полям летаешь,
Сулоны обиваешь, крестьян зоришь.
Крестьяне разорились,
По чужим сторонам набродились,
Милостыни напросились».
«Я этому делу не виновата,
Сыч пристав, сын подьячий.
Ищите воронье жилище».
Летали, летали, нашли в поле на еле,
Тут и дом ее в спальней горнице,
Кровать тесовая, перина пуховая,
В ногах три дятлины головы,
В головах пять рублей денег,
И два амбара хлеба.
«Ворона, где ты эстолько денег накопила?»
«Денежка по денежке копила да накопила».
«Где ты, ворона, эстолько хлеба взяла?»
«Зернышко по зернышку сбирала да и насбирала».
Взяли вороне ноздри вырвали,
Кнутами наказали, и во ссылку послали.

(4)

Свадебные песни

* * *

Твой жених не хорош, не пригож —
На горбу то роща выросла
В этой то во рощице грибы растут:
Грибы растут березовые;
В голове томышь гнездо свила,
В бороде то детей вывела;
А на лбу то хоть лапшу сучи,
На бровях то журавли клюют,
А у глаз то хоть спички сирь;
В носу то хоть кисель твори,
А сквозь зубов то хоть кисель циди,
На брилах то хоть блины пеки.

(5)

* * *

По улице, улице
Едет сват на курице.
Как у свата на плечи
Разыгрались белы вши;
Кая скачет, кая пляшит,
Кая песенки поет.
На полати сват взглянул, —
Шаль хорошу стянул,
А на полку сват взглянул, —
Часть говядины стянул,
А на печь сват взглянул, —
Рукавички стянул.
Как наг сватушке шапенька
После дедушки чертенка,
Как на сватуше кафтан —
Шут по-месяцам таскал,
Как на сватуше штаны —
После деда сатаны.

(6)

* * *

Мы не хаем тебя, величаем,
По имени называем,
По отечеству величаем.
Вот поехал Григорий воевати
По чисту полю, по подполюю,
Разбил горшки, да корчаги,
Иступил он булатный меч,
Булатный меч о черепья,
Натянул он кривой лук,
Пустил калену стрелу
Калену стрелу в кучку вазьму.
(7)

* * *

Ой, ты друженька —
Роша прящицею.
Ой, ты друженька —
Зенка скляницею.
Ой, у друженьки —
Нос то крючком.
Ой, у друженьки —
Голова пестом и т. д.
(8)

* * *

У нашего дружки
Чирий на макушке.
Друженька мой,
Хорошенький мой.
Как на дружке чепан
Чорт по месяцу таскал.
Друженька мой и т. д.
Как на дружке сапоги —
Они с выскорками.
Друженька мой и т. д.
Они с выскорками,
Ноги выскакали.
Друженька мой,
Хорошенький мой.
(9)

* * *

Сваха неряха, немытая рубаха.
Не колоченная, не молоченая,
Свахоньку надо выколотить,
Свахоньку надо вымолотить.
Надо рощи нарастить,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.
Выпустим кота из за задняго хлева,
Обдерет он тебя, ровно сковороду.

(10)

* * *

Околеть тебе, свашеньке,
Под углом, под банею,
Без свечей, без ладана (два раза),
Без попа, без дьякона,
Поминать тебя, свашенька,
Молодой кобылятинкой.

(11)

* * *

(Подружки, обращаясь к свату, поют:)

Уж тому ли свату-своднику
На печи бы заблудиться,
Сквозь напыльник провалиться.
Киселем бы подавиться,
Под шесток бы закатиться.
Чтоб клюкой грести, не выгрести,
Помелом мести, не вымести.
А еще бы свату-своднику
Три бы чирья ему в бороду,
А четвертый то под горлышко,
Вместо красного солнышка.
Уж ему ли свату-своднику
Мы дадим же провожатого —
Таракана то рогатого,
Еще мышь полосатую.

(12)

* * *

(Каждый стих повторяется)

Да изменщику девочьему.
На печи спать под шубою,
Под тремя полушубками,
Под четырьмя тулупами,
Да трясло бы ты повытрясло,
Да сквозь печь провалитися,
Во мясных щах обваритися.
Того мало свату большому,
Да изменщику девочьему, —
С хором бы ты о борону,
Да с горы бы ты о камень,
Без попа, без покаянья,
Без духовнаго батюшка.
Не ходил бы, не сватался,
Стариков не обманывал,
Да старух не подговаривал,
Не хвалил, не нахваливал
Чужидальния стороны,
Да Подгорския слободы.
Она горем насеяна,
Да слезами наполивана.

(13)

ЖАНР И СТИЛЬ

ОДА

ГИМН ВОСТОРГУ

Восторг, восторг души поэта,
Ты мчишь на дерзостных крылах
По всем его пределам света!
Тобой теперь он на валах
И воздувает пенны горы;
Тобою вмиг в чертог Авроры,
Как быстра мошка возвился,
И вмиг стремглав падет в долину,
Где нет цветов, кроме крину,
В которой Ганг с Невой слился...
И в тот же миг... дрожу и млею!
Между эфиром и землею
С хребтов Кавказских, ледяных гор,
Куда не достягает взор,
Сквозь мерзлы облака вещает,
Как чрево Этны, ржет, рычает!
Уже не смертного то глас,
Големо каждое тут слово,
Непостижимо, громко, ново.
Соплещет сам ему Пегас;
Уже не слышны лирны струны,
Но токмо яркие перуны,
Вихрь, шум, рев, свист, блеск, треск, гром, звон
И всех крылами кроет сон!

И. И. Дмитриев. (14)

ОДА

Хочу к бессмертью приютиться,
Нанять у славы уголок;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать из мыслей узелок;
Хочу сварганить кой-как оду,
И выкинуть такую моду,
Чтоб был ненадобен Пегаз,
Ни Аполлон, детина строгой;

Хочу проселойной дорогой
На долгих ехать на Парнас.

Горшки не боги ж обжигают;
А мне кто не велел строчить,
Ну! право нас не лутче знают,
Как строку рифмой заострить.
Мы также в людях здесь живали
И всяких молодцов видали;
Видали оды на заказ,
На взгляд: так разные в них штуки,
Ан разбери-ка, взявши в руки,
То в ряд поставят чаще нас.

Ну, что ж? за чем же дело стало!
На приклад кинемся к богам,
Вет в Пантеоне их немало:
Притараканим-ка их к нам.
Пускай Полимния и Клио
С Евтерпой кропают нам трио;
Клотоны, Сахеза дует:
Пусть Вакх царапнет до обеда;
Венера, Марс, Юпитер, Леда,
En quatre пусть дернут минует.

Велим, поворотя оглобли,
Реке Алфею течь назад;
А чтоб Еака сбросить с кровли,
Велим Ираклу ехать в ад.
Пусть Мом слов острых пять-шесть скажет.
От ветров станет пыль столбом,
Бореи, Аквилоны, Ноды,
Все эти Дутики уроды.
Пускай верх опрокинут дном.

С богами как не будет мочи,
С Олимпа лыжи наострю;
И, вылупя ясные очи,
В Историю я посмотрю.
Прильнув на час к Семирамиде,
В Египте окунясь в Мериде,
Скажу, что ест у Крымцев хан:
Сочту подушны в Риме зборы,
Потом замечу, как Ефоры
Тузили, гладили Спартан.

Двойные заплатя прогоны,
Найдем копейных на часок:
И, новые вздумав забобоны,
Героев примем за висок.
Сберем их целою толпою,
Чтоб Сцепион, являсь к бою,
На Анибала наплевал,
Помпея Цесарь в ухо хлопнул,
От Александра Дарий лопнул,
Ахилл туза Гектору дал.

Взяв в руки посох и свирелку,
А за пояс заткнув дуду,
Читателя уж на отделку
В Аркадию я поведу,
В луга и средь зимы не снежны,
Где все сердца, как мякиш нежный,
Узетят сельска простячка,
Как он из Леты тянет крушкой,
И пляшет горлинка с пастушкой,
Иль голубца, или бычка.

Там пусть читатель мой заметит,
Пускай зарубит на носок,
Что солнышко там ясно светит
И утекает за лесок.
На пастухов смотря, Аврора,
Как сурок, рдеется с задора
На дюжий молодецкий жар,
По пальцам сласти их считает,
Денночки прежи вспоминает
И тужит, что Титан уж стар.

Быть может, не всему я миру,
Набрякав оду, угодил:
Да нада ведать, что вить лиру
Я у носящева купил.
Иной на рынке лир не купит,
А так же таки оды лупит;
А так же наш брат грамотей,
Пожалуй, не судите строго:
Веть Ломоносовых немного;
Другие ходят все с жлудей.

(15)

ОДА НА МИР ЕВРОПЫ, ПРЕВРАЩЕННАЯ В БАСНЮ

*Тут поздно бедный волк заметил,
— Что через чур перемудрил.*

М. В. Ломоносов.

Оставим, Муза, басни, сказки,
Отложим дудку и гудок;
Попросим-ка у Феба ласки
И купим лиру на часок,
Кленовую, не дорогую:
Где денег взять на золотую?
Нет, золотая не по нас;
Она громка, с ней бед настроишь,
Кого-нибудь обеспокоишь,
Тогда толчка нам даст Парнас.

Притом же, ежели случится
И худо на простой сыграть,
Никто со мной не побранится,
Все скажут: «он невиноват:
Не можно ждать приятней тона
От лиры, сделанной из клена»
А ежели ж удасться нам
Сыграть хотя немножко плавно,
Все скажут: славно, славно, славно;
Тогда честь нашим головам.

Итак, ты, Муза, потрудися,
Воды Кастальской принеси, —
Пред Фебово лице явися,
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой в лавку,
Двух мальчиков, Филипку, Савку,
Стремглав я к Рифмину пошлю,
Быть может рифм словарь исправной
Уже окончил Рифмин славной;
Так я себе его куплю.

Я здесь всем нужным запасуся,
Достану перьев и чернил,
В свой темный погреб опущуся
И принесу вина бутылъ.
Чтоб вкус кастальский пременился,
В напиток резвый превратился,
И, выпив все, уж то-то Оду

Смешаю воду я с вином,
В честь брякну Русскому народу:
Ей! не ударю в грязь лицом, —

.....

Мслвчъ (16)

ОДА В ГРОМКО-НЕЖНО-НЕЛЕПО-НОВОМ ВКУСЕ¹

Сафиристо-храбро-мудро-ногий,
Лазурно-бурный конь, Пегас!
С Парнасской свороти дороги
И прискачи ко мне на час.
Иль, дав в Кавказ толчок ногами,
И вихро-бурными крылами
Рассекши воздух, прилети.
Хвостом серебро-злато-махровым,
Иль радужно-гнедо-багровым.
Следы пурпурны замети.

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря;
Из кубка пламенно-янтарна
Брусничный морс льет на моря.
Смарагдо-бисерно светило,
Подъяв огнем дышаще рыло,
Из сольно-горко-синих вод,
Усо-подобными лучами
Златит, как будто бы руками
На полимент небесный свод.

Сквозь бело-черно-пестро-красных
Булано-мрачных облаков,
Луна, стыдясь гостей толь ясных,
Не кажет им своих рогов;
И мертво-бело-снежным цветом
Покрывшись перед солнца светом,
На небе места не найдет.
Ветр Юго-Западно-Восточный
Иль Северо-студено-мочный,
Ерошит гладкий вод хребет.

¹ К сочинению сего вздора подали мне мысль некоторые из новых наших стиходеев, из коих одни желают подражать Горацию нашему Г. Д[ержазин]ну, а другие К[арамзин]ну и Д[митриев]ву; но как, вместо вкуса и таланта, имеют они только непреодолимую охоту марать бумагу, то и пишут вечно такую чепуху, какую читатель найдет в сей оде, естли будет иметь терпение ее прочитать. [Примечание П. П. Сумарокова.]

Октябро-непогодно-бурна,
Дико-густейша темнота,
Сурово-приторно сумбурна,
Збродо-порывна глухота
Мерцает в скорбно-желтом слухе,
Рисует в томно-алом духе
Туманно-светлый небосклон.
В уныло-мутно-кротки воды
Глядятся черны хороводы.
Пунцово-розовых ворон.

Но вдруг картина пременялась;
Услышал стон я голубка,
У Клары слезка покатилась
Из левого ее глазка;
Катилась по лицу, катилась,
На щечке в ямке поселилась,
Как будто в лужице вода.
Не так-то были прежни веки;
На слезы скупы человеки;
Но люди были ли тогда?

Коль девушке тогда случалось
В разлуке, с милым другом быть.
То должно, дуре ей казалось,
О том реками слезы лить.
Но в наши веки просвещенны
Как могут люди огорченны
Так слезы проливать рекой?
Ведь ныне слезы дорогие,
Сравнятся ль древние простые
С алмазной нынешней слезой?

Теперь посмотрим мы, как вьется
Голубушка над голубком;
А сердце бьется, жметя, рвется
И в грудь стучит, как молотком.
Голубчик выпустил, зная, душку,
Нет жизни в нем ни на полушку,
Уж носик съежился его.
Овсянки, ласточки, синички,
Варакушки и прочи птички
Роняют слезки на него.

От этой жалостной картины,
Читатель, естли ты не взвыл,

А от начальной пиндарщины
В восторг когда не приходил,
То сердца твоего тон низок,
Умом ты к готтентотам близок
И так, как лютый тигр, жесток.
Ты б должен на стену бросаться
Или в лоскутья истерзаться
От сих громко-прискорбных строк.

П. П. Сумароков. (17)

ОДА ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

(С примечаниями автора.)

Султан ярится¹. Кровь Эллады
И резвоскачет², и кипит
Открылись Греками древни клады³
Трепещет в Стиксе лютый Пит⁴
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно:
Се Бейрон, Феба образец,
Притек — но недуг быстропарный⁵,
Строптивный и неблагодарный.
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет!
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь — почтенный литератор;
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла!
Лети туда, Хвостов наш! Сам.

Вам с Бейроном шипела злоба.
Гремела и правдива лесть.
Он — лорд, граф — ты! поэты оба.

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом клады должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Пит — знаменитый английский министр и известный противник свободы.

⁵ Горячка.

Се, мнится, явно сходство есть —
Никак! Ты с верною супругой¹
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и, наконец,
Глубок он, — но единообразен;
А ты глубок, игрив и разен —
И в шалостях ты — впрямь певец.

А я — неведомый Пиита —
В восторге новом воспою
Вослед Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу².
К тебе я руки простирал,
Уж из отеческия кущи
Взирая на суда бегущи.

И да блюдут твой мирный сон³
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вах, Харон.

А. С. Пушкин (18)

ОДА НА НОВЫЙ 1831 ГОД

Со скрыпом, вечности заклепы
Отверзлись времени рукой
И в неведомы вертепы
Ступил прошедший год стопой,
Ступил — заклепы затворились,
Его приходу изумились
Столетия многих, прежних лет,

¹ Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. В многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою. (См. последнее замечание к оде: Заздравный кубок.)

² Подражание его высокопревосходительству действительному тайному советнику Ивану Ивановичу Дмитриеву, знаменитому другу графа Хвостова.

³ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет перед ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников (Магомета) лжепророка. Зевс улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здравие его; Псиша, во образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вах и Харон весело толпою следуют за судном нашего бессмертного Пииты.

[Примечания А. С. Пушкина.]

Гласят: «Сын вечности крылатый!
И ты, событиями богатый,
И ты протек, исчез твой след?»

И се! По высоте эфирной,
Течет на землю Новый год;
Мольба народа, голос лирный
Его приветствуют приход:
На быстропарной колеснице,
Держа в таинственной деснице
Судьбы народов и царей,
Он нас улыбкою встречает:
«Отрите слезы», восклицает,
«В надежде лучших, тихих дней!

«Возвеселитесь: торжествами
Украшу доблесть, правоту;
С лазурно-светлыми цветами
Пред добродетелью пойду;
Украшу лаврами достойных,
И от страстей вас беспокойных,
И от пороков сохраню;
В судах пребудет суд правдивый,
Постигнет злобу гнев строптивый,
Несчастье люто я казню!»

Гряди ж, с надеждами на благо,
На землю нашу Новый год,
Храни от всяка духа злаго,
Пролей источники щедрот!
Тебе алтарь в сердцах поставят,
Твое пришествие прославят
На лирах выпренни певцы,
И слух о счастье обещанном,
В твоём пришествии желанном,
Да пролетит во все концы!

Я. Старовишин (19)

ОДА

В полночь ноци мрак восстал,
Вихрь в твердь дохнул —
И твердь тряхнулась,
Марс бодр вмиг одр свой оставлял,
Утроба гневом в нём раздулась...

И. А. Крылов. (20)